

СЕГОДНЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.Б. БОГОЯВЛЕНСКАЯ

Богоявленская Диана Борисовна — заведующая лабораторией диагностики творчества Психологического института РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Президента в области образования 1999 г. Член Координационного совета президентской подпрограммы «Одаренные дети».

Контакты: ijkarus@voxnet.ru

Начавшуюся дискуссию по актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане проблеме (по применению тестов интеллекта) открывают три высокопрофессиональные публикации ведущих в данной области специалистов. Фактически в них представлены две позиции: ни один из авторов не отрицает возможности применения тестов интеллекта, водораздел идет лишь по линии интерпретации целей и результатов их применения. В данной статье я не буду более высказывать свою точку зрения на эту проблему в целом, так как она подробно изложена в предыдущем номере журнала, а остановлюсь на тех моментах, которые, как мне кажется, могут вызвать сомнения у читателей.

Статья А.Г. Шмелева отражает точку зрения автора, давно занимающегося данной проблемой, много думающего и пишущего на эту тему. Отсюда как зрелость позиции, так и прозрачность текста. Нельзя не согласиться с перечисленными им причинами, которые определяют специфику ситуации тестирования в на-

шей стране, лежащую в основе дискуссий вокруг тестов: это научно-методический кризис, незрелость профессионального сообщества и кризис кадровой политики в нашей стране. Перечисленные причины обостряют дефицит эффективных методов в ответ на требования практики, поскольку отсутствуют оригинальные отечественные методики, удовлетворяющие всем психометрическим требованиям. Автор связывает это с отсутствием тестовой культуры в нашей стране.

Весьма удачным и эвристичным представляется сравнение тестирования с применением оружия. Приведенная аналогия совсем не хромает. Она усиливает и делает очевидным вывод автора. Действительно, ношение оружия регулируется законодательством, чего не скажешь о применении тестов; плох не тест, а ненадежный тест. Невалидный тест — оружие, из которого не только не попадешь в цель с пяти шагов, но самое страшное — можно попасть в «своего» — того, кто рядом стоит.

Во всяком случае, А.Г. Шмелев адекватно оценивает современную

ситуацию и видит опасность тех последствий, которые однажды уже затормозили развитие психодиагностики, поскольку, как только запрет на тесты был снят, события стали повторяться в печальном соответствии с постановлением 1936 г. Правда, он указывает лишь одну причину: невзыскательность и неосведомленность практических работников (увы, не только), которые уже в 80-е гг. немедленно кинулись тиражировать и использовать западные методики, не прошедшие экспериментальной проверки в российских условиях.

В изложении этой всесторонне продуманной и в целом разумной позиции бросается в глаза своей дисгармоничностью раздел, который написан слишком ядовито. Он, как ни странно, посвящен наиболее сильным в профессиональном отношении коллегам Александра Григорьевича.

По его наблюдениям, большинство влиятельных психологов предпочитают уповать на собственный интеллектуальный потенциал, а не производить и распространять интеллектуальные инструменты, которые могут рано или поздно уравнивать их с другими пользователями подобного инструментария. «Поэтому нечетко оформленная профессиональная гильдия психологов в нашей стране напоминает сообщество любителей боевых искусств, где все члены ранжируются по силе мышц и телесной ловкости, в разной мере развитой у разных людей, но не по уровню владения стандартным ”та-

бельным оружием” (стандартизированными тестами). Это утверждается при том, что выше сам А.Г. Шмелев пишет: в 90-е гг. прошлого века положение усугубилось жесточайшим общесистемным и финансовым кризисом, в частности, кризисом финансирования отечественной науки. «Производство отечественных тестов погибло, фактически не поднявшись из младенческой колыбели. Оказалось гораздо выгоднее пользоваться крадеными западными методиками, чем оригинальными отечественными». И дело не в том, что отечественные специалисты законно хотели получить компенсацию вложенного квалифицированного труда, как отмечает автор. Отечественные специалисты, будучи профессиональными экспертами, не могут позволить себе в силу своих экономических возможностей¹ обеспечить избыточную надежность (психодиагностика + оценка эксперта), с одной стороны, и довести до рыночного вида разрабатываемые ими методики — с другой. Более того, разработка отечественных методик не только не поддерживается, но просто тормозится теми, кто работает с зарубежными методиками, и теми, кому легче работать по старинке и кто не имеет личного интереса вникать в новое.

Другая позиция представлена в статье М.А. Холодной: тестирование в его традиционной форме не нужно. Под такой формой Марина Александровна имеет в виду констатирующее одноразовое обследование с вынесе-

¹ Недавно я впервые в жизни не смогла осуществить классификацию, поскольку представитель МВД по «Эху Москвы» заявил, что на окладе в 3 тыс. рублей могут работать только отморозки. В этот разряд я попадаю, но куда отнести сотрудников моей лаборатории, которые получают менее 2 тыс. руб.?

нием скоропалительного диагноза с последующей «коррекцией», не менее скоропалительного прогноза с фактическим выстраиванием барьеров на жизненном пути дошкольника, младшего школьника или подростка.

Во многом разделяя ее опасения, связанные с применением тестов интеллекта (тестирование, направленное на селекцию, стало делом бизнеса, навешивание ярлыков деформирует процесс развития личности и пр.), я позволю себе критику тех моментов, которые мне представляются недостаточно строгими в качестве аргументов, и противоречий в самой позиции.

Нестрогая аналогия ослабляет все доказательство. Приведенное сравнение с градусником не совсем удачно, так как просто на основе наличия повышенной температуры диагноз никто не ставит, но при определенной клинической картине наличие или отсутствие повышения температуры диагноз уточняет (ратуя за применение тестов, А.Г. Шмелев также не допускает постановки диагноза только по одному тесту). Вместе с тем если у пациента высокая температура, то справку о том, что он здоров, врач не даст, поскольку высокая температура — симптом болезни. Точно так же если у ребенка очень низкие показатели по тесту интеллекта, то психолог не будет рекомендовать поступление в гимназию, работающую по слишком усложненной программе, и это не дискриминация, а беспокойство о его здоровье. Кстати, согласно взглядам А.Г. Шмелева, тест как раз и выполняет грубую и предварительную функцию градусника, так как на основе полученных первичных данных эксперт, интерпретируя

их, и устанавливает окончательный диагноз.

Примеры «эффекта циркуля» в психологическом тестировании, когда определенное психическое свойство измеряется неадекватным ему инструментом, также немного натянуты. Школьный тест умственного развития (ШТУР), будучи тестом учебных достижений, как считает М.А. Холодная, тем не менее используется как средство измерения уровня интеллектуального развития учащегося просто потому, что он и создавался именно с этой целью ведущим диагностом страны К.М. Гуревичем и рекомендуется практикам для диагностики уровня развития интеллекта. Здесь мало сказать, что это «циркуль», надо опровергнуть логику К.М. Гуревича.

Марину Александровну возмущает, что тест Гилфорда «Способы использования предмета», предназначенный для оценки уровня дивергентного мышления (вербальной креативности), применяется как средство измерения «творческой одаренности». Однако креативность и есть творческая одаренность в его концепции, и этой позиции придерживаются не только практики, но, как это ни грустно, и сотрудники академических институтов; они не хотят ее менять — ведь тест так прост в употреблении и дешев.

А вот по поводу теста «Нарисуй человека», который, по мнению М.А. Холодной, выявляет лишь степень сформированности навыков изобразительной деятельности, но рассматривается как средство измерения «уровня готовности к школьному обучению», я хочу возразить. Кроме, естественно, сформированности изобразительной деятельности,

этот тест указывает на развитие графической деятельности — от зрелости графических навыков до наличия неврологических и эмоционально-личностных проблем, затрудняющих ее становление. Характер линии, ее замыкание, тремор и многое другое — это показатели возможности или затруднений в освоении письма первоклассником.

М.А. Холодная считает недопустимым строить диагноз на основе данных тестирования, но считает возможным использовать данные тестирования для индивидуализации обучения; однако это означает, что она признает за тестированием возможность выявления объективных качеств психики человека. Данный компромисс делает позицию противоречивой. Конечно, хорошо использовать атомную энергию только в мирных целях, но увы... Признавая объективность данных, мы уже не можем контролировать сферу применения методов, их выявляющих. Для этого действительно нужно определенное законодательство.

М.А. Холодная права, утверждая, что на меру выраженности того или иного свойства интеллекта может влиять множество факторов. Однако практика не интересуется сам по себе уровень интеллекта. Ему важно знать, добьется ли испытуемый успехов на деле. Думается, что определенный процент положительной корреляции тестов интеллекта с успешностью профессиональной деятельности и учебы связан с влиянием мотива достижения на результаты тестирования, который и далее обеспечивает должные достижения.

Нельзя не согласиться, что низкий результат по методике Векслера —

кроме недостаточного развития соответствующих знаний и умений — может быть результатом низкого уровня социализации, высокого уровня тревожности, низкого уровня мотивации. Но почему влияние высокого уровня творческих способностей понижает результаты тестирования по Векслеру? Здесь возникает вопрос к самой Марине Александровне: как она понимает творческие способности? Если имеется в виду нестандартность ответов испытуемого, то тогда тест Гилфорда, используемый для определения творческой одаренности, не может рассматриваться в качестве «циркуля».

Спорным для меня является также и один из аргументов против возможности диагноза на основе тестирования, заключающийся в том, что «нарушается важнейшее право личности на собственную судьбу (в которой, как известно, исключительно важную роль играет случай, делаая ее, слава богу, совершенно непредсказуемой с "научной точки зрения")». Мне подобное утверждение представляется слишком категоричным, поскольку такое образование, как «личность», в большой степени определяет неоднозначность эффекта одного и того же жизненного факта на поведение или жизненную ситуацию человека (остерегаюсь говорить «судьбу»). Древние греки изображали «случай» в виде бегущего человека с длинными волосами, растущими лишь спереди. Это символизировало то, что его может поймать лишь подготовленный к встрече с ним человек. В одинаковых жизненных ситуациях люди ведут себя по-разному, и именно психолог может и обязан прогнозировать поведение личности в тех или иных обстоятельствах.

И, наконец, Д.В. Ушаков отстаивает крайнюю позицию: причина споров вокруг применения тестов — в их силе. Статья не случайно называется «Тесты интеллекта, или горечь самопознания». Мысль о том, что чем более сильными, прогностичными и надежными становятся тесты, тем большее сопротивление они вызывают, весьма неожиданна. Те, кто боится тестирования, знать не знают о проблемах валидности и надежности тестов, они не участвуют в дискуссиях. Те, кто «сопротивляется» применению тестов, делают это уж, по крайней мере, не по причине боязни «горечи самопознания», но в силу озабоченности как раз их невалидностью и непрогностичностью, делают это из чисто гуманных соображений. Правда, Д.В. Ушаков называет такую позицию романтической. Возможно, но она благородна по своей интенции, а не консервативна и не реакционна.

Во всяком случае, большую часть статьи Д.В. Ушакова составляют данные, подтверждающие высокую прогностичность тестов интеллекта в отношении успеха профессиональной деятельности. Показательно, что в подтверждение того, что роль психометрического интеллекта в обучении велика и бесспорна, Д. В. Ушаков приводит те же цифры ($r = 0.5$), что и М.А. Холодная. Однако, опираясь на них, она делает противоположный вывод: такой коэффициент объясняет всего лишь около 16–25% вариаций учебных достижений учащихся; при этом разброс значений коэффициентов корреляции в разных исследованиях, приведенных ею, колеблется от -0.03 до 0.61 . Значительно ниже корреляционные связи

показателей IQ с успешностью профессиональной деятельности.

Как сам обзор, охватывающий многие аспекты (включая социально-экономические) рассмотрения проблемы, так и комментарии автора очень интересны; вместе с тем в структуре статьи он служит исходным тезисом для основной авторской идеи, на основе которой Д.В. Ушаков пытается ответить на вопрос, почему тесты интеллекта предсказывают успешность деятельности.

Таким образом, поднята фундаментальная проблема: что фактически выявляют, отражают тесты интеллекта. Гипотеза Д.В. Ушакова (тесты выявляют интеллектуальный потенциал, который обуславливает возможность формирования новых механизмов) интересна и перспективна в плане своей конкретной реализации.

Заключительная часть работы Д.В. Ушакова, по сути дела, представляет собой синтез основных не только изложенных им положений, но и мотивов всех трех статей: «нужна праксиология тестов». Достоинством статьи является то, что это положение, которое ни у одного психодиагноста не вызовет возражений, детально проработано и расписано. Дмитрий Викторович прав в том, что бунт против применения психологической технологии в широкой практике бесполезен и скорее напоминает бунт ткачей против применения ткацких станков. Задача психологов — объединить усилия в борьбе за культуру тестирования, но поиск пути к этой цели вновь возвращает нас к той конкретной ситуации, которая в силу отсутствия такой культуры и порождает данную дискуссию.